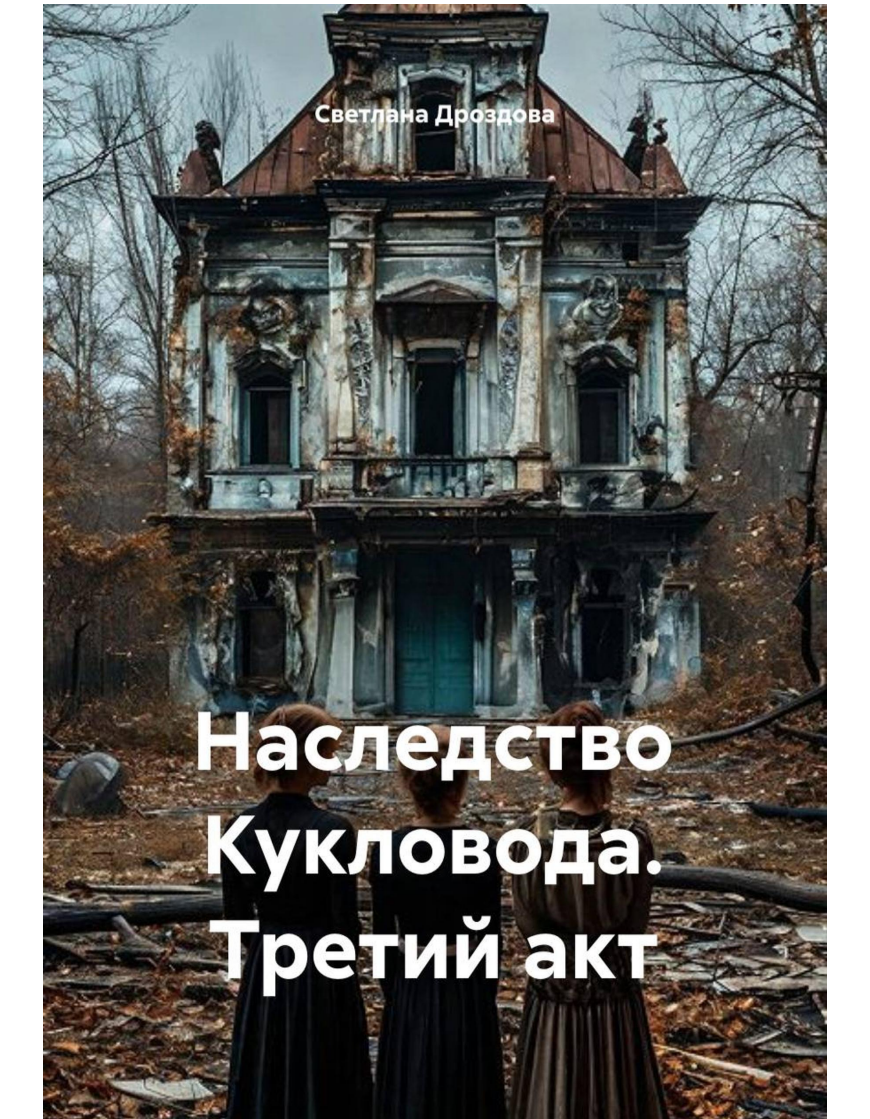

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Третий акт

Светлана Дроздова

Наследство

Кукловода. Третий акт

<https://litres.ru/74378828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Декорация» — это мрачная психологическая драма в декорациях заброшенного театра, где реальность переплетается с безумием, а прошлое не отпускает своих героев. Три женщины — режиссер Маргарита, аналитик Софья и одержимая голосами Елена — оказываются в ловушке, расставленной умершим, но не исчезнувшим гением, Игнатом Крестовским. Пытаясь выбраться из горящего здания, они распутывают клубок тайн: украденные пьесы, поддельный почерк, инсценированную смерть и двойников, ставших голосами убитых. В центре сюжета — поиск истинного автора «симфонии боли» и борьба за право переписать финал, который изначально был написан не ими. Это история о масках, которые мы носим, и о цене свободы.

Светлана Дроздова

Наследство

Кукловода. Третий акт

Глава 37: Декорация: Больничная палата

«Самая страшная болезнь — не та, что поражает тело, а та, что разъедает разум, заставляя видеть врага в каждом, кто держит тебя за руку».

— Из неизданных дневников Бориса Ланского

Часть I. Анатомия беспомощности

Комната, в которую они загнали себя, была похожа на забытый склеп, который кто-то когда-то попытался превратить в жилье. Воздух здесь стоял плотный, спертый, пропитанный запахом сырости, гнилого дерева и еще чего-то тошнотворно-сладкого, что Маргарита не могла идентифицировать. Она подозревала, что это был запах старой крови или, возможно, просто гниющей ткани, въевшейся в стены за десятилетия запустения. Единственный источник света — маленькое, затянутое паутиной окно под самым потолком —

пропускал сквозь грязное стекло тусклый, больничный свет, который не столько освещал, сколько подчеркивал тени, делая их более густыми, более зловещими.

Маргарита Зорина стояла у стены, прислонившись спиной к холодному, покрытому слоем вековой пыли дереву, и смотрела на Аркадия. Он лежал на гряде старых, пропавших нафталином тряпок, которые они нашли в углу и попытались превратить в подобие постели. Его лицо было опухшим, почти неузнаваемым. Кожа на щеках и вокруг глаз покраснела и покрылась мелкими, болезненными волдырями, которые лопались и сочились прозрачной жидкостью. Глаза его были закрыты, веки воспалены, а вокруг них виднелись следы слез, смешанных с той самой ядовитой пылью, которая свела его с ума.

Он больше не кричал. Не метался. Не пытался содрать с себя повязку, которую Софья соорудила из куска старой, чистой рубашки. Он просто лежал, и его дыхание было тяжелым, прерывистым, как у человека, который уже наполовину покинул этот мир. Иногда он вздрагивал, и его руки начинали ощупывать пространство вокруг себя, как будто он искал что-то, что могло бы его спасти. Но ничего не было. Только холод, только сырость, только этот проклятый запах, который, казалось, становился все более плотным с каждой минутой.

— Он не должен лежать на голом полу, — сказала Маргарита, и ее голос прозвучал хрипло, с металлическим оттенком, который появился от постоянного напряжения. Она не знала, сколько они уже находились в этой комнате. Час? Два? Время здесь текло по-другому, растягиваясь и сжимаясь, как аккордеон, подчиняясь ритму их страха и отчаяния. — Он замерзнет. Ему нужно тепло. Нужна вода. Нужна нормальная еда. Мы не можем просто сидеть здесь и смотреть, как он умирает.

— Он не умрет, — ответила Софья Райх, и ее голос был холодным, как лед. Она сидела у противоположной стены, прислонившись спиной к старому, покрытому плесенью шкафу, и ее поза была неестественно прямой, как у человека, который боится расслабиться даже на мгновение. Ее блокнот лежал на коленях, но она не делала заметок. Она просто смотрела на Аркадия с выражением, которое трудно было прочесть. Не жалость. Не страх. А что-то другое — холодное, аналитическое любопытство врача, который изучает пациента. — Если бы он хотел, чтобы мы умерли, он бы уже убил нас. Он просто проверяет нас. Проверяет, на что мы готовы, чтобы выжить.

— «Он»? — переспросила Маргарита, и в ее голосе слышалась злость. Она повернулась к Софье, и ее глаза го-

рели гневом. — Ты говоришь о нем как о живом. Как будто он все еще здесь. Как будто он все еще управляет нами. Но он мертв, Софья. Мертв! Мы видели его тело. Мы видели, как кровь текла из его груди. Он не может управлять нами.

— Ты ошибаешься, — сказала Софья, и ее голос был ровным, как поверхность озера. — Он не управляет нами. Но его тень все еще здесь. Его наследие. Его планы. Все, что он создал, продолжает существовать без него. Как механизм, который был заведен и оставлен работать. Мы не сражаемся с ним. Мы сражаемся с тем, что он оставил после себя. И это намного страшнее.

Маргарита хотела возразить, но слова застряли в горле. Она знала, что Софья была права. Они сражались не с Крестовским. Они сражались с его безумием, которое продолжало жить в этих стенах, в этих коридорах, в этих декорациях, которые он создал для них. И это безумие было сильнее их. Оно было сильнее их страха, их отчаяния, их надежды. Оно было сильнее всего.

Она подошла к Аркадию и опустилась на колени рядом с ним. Его лицо было бледным, и она видела, как его грудь вздымается и опускается с каждым тяжелым вдохом. Она протянула руку и коснулась его лба. Кожа была горячей, покрытой испариной. У него была лихорадка. Она чувствовала

ла, как жар проникает в ее пальцы, как он передается ей, как он становится частью ее собственного тела.

— У него температура, — сказала она, и ее голос дрогнул. — У него серьезная температура. Если мы не найдем способ сбить ее, он может умереть.

— Он не умрет, — снова сказала Софья, и ее голос был твердым, как сталь. — Он слишком упрям, чтобы умереть. Он прожил слишком долго в этом театре, чтобы позволить себе умереть на дешевой сцене. Он будет бороться. И мы будем бороться вместе с ним.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, верить ли Софье. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Она чувствовала, как внутри нее поднимается холод, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции. Она была пуста. Как этот дом. Как эти стены. Как и они все.

В этот момент Аркадий застонал. Его тело содрогнулось, и он попытался приподняться, но его руки подкосились, и он упал обратно на грудь тряпок. Его лицо было искажено от боли, и он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Тише, — сказала Маргарита, и она положила руку на его плечо. — Тише, Аркадий. Ты должен лежать спокойно. Ты должен отдыхать.

— Я не могу, — прохрипел он, и его голос был тихим, почти безжизненным. — Я не могу дышать. Мне трудно дышать. Этот воздух... он слишком тяжелый. Он душит меня.

— Это просто страх, — сказала Софья, и она подошла к ним. — Это просто твой страх, который душит тебя. Ты должен научиться контролировать его. Ты должен научиться дышать, несмотря на него.

Аркадий повернул голову в сторону ее голоса. Его слепые глаза были устремлены в пространство перед собой, и он смотрел туда, где, по его ощущениям, должна была стоять Софья. Его лицо было бледным, но в нем появилось что-то новое. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и его голос был тихим, но в нем слышалась сталь. — Ты никогда не понимала. Ты думаешь, что все можно контролировать. Ты думаешь, что все можно проанализировать. Ты думаешь, что страх — это просто химия, которую можно победить с помощью логики. Но ты ошибаешься. Страх — это не химия. Страх — это

правда. Это та правда, которую мы не хотим видеть. И теперь я вижу ее. Я вижу ее яснее, чем когда-либо.

Он замолчал, и его дыхание стало тяжелее. Маргарита чувствовала, как его тело дрожит под ее рукой, как он борется с болью, которая разрывает его изнутри. Она хотела сказать что-то, но не могла найти слов.

— Что ты видишь? — спросила Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Что ты видишь, Аркадий?

Он медленно повернул голову в ее сторону. Его слепые глаза были устремлены на нее, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Я вижу правду, — сказал он, и его голос был тихим, как шепот. — Я вижу, кто вы есть на самом деле. Я вижу ваши маски. Я вижу ваши страхи. Я вижу ваши надежды. Я вижу все. И это страшнее, чем любая тьма.

Он замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии. Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что он был прав. Они все носили маски. Они все прятались за ними. И

теперь, когда он потерял зрение, он видел их яснее, чем когда-либо.

— Ты должен отдохнуть, — сказала она, и ее голос был мягким, как шепот. — Ты должен попытаться уснуть. Ты должен набраться сил.

Аркадий покачал головой. Его лицо было бледным, и он смотрел в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном.

— Я не могу уснуть, — сказал он, и его голос был тихим. — Я боюсь уснуть. Я боюсь, что если я закрою глаза, я больше никогда не открою их. Я боюсь, что это будет мой последний сон.

— Это не будет твой последний сон, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы не позволим тебе умереть. Мы будем бороться за тебя. Мы будем бороться за всех нас.

Аркадий смотрел на нее, и внутри него поднималась новая волна эмоций. Он хотел верить ей. Он хотел верить, что они смогут выжить. Но голос в его голове был слишком громким. И он не мог бороться с ним.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказал он, и его голос был

тихим, почти шепотом. — Я не знаю, смогу ли я бороться. Я слишком устал. Я слишком сломлен. Я не знаю, есть ли у меня еще силы.

— У тебя есть силы, — сказала Маргарита, и она сжала его плечо. — У тебя есть силы, потому что ты жив. И пока ты жив, у тебя есть шанс. Ты должен бороться. Ты должен выжить. Мы все должны выжить.

Аркадий смотрел на нее, и внутри него поднималась странная, почти забытая эмоция — надежда. Она была слабой, едва заметной, но она была. Он сжал ее руку и почувствовал, как ее тепло проникает в его кожу, в его кровь, в его душу.

— Хорошо, — сказал он, и его голос был тихим. — Я попробую. Я попробую бороться. Но я не обещаю, что у меня получится. Я не обещаю, что я не сломаюсь снова.

— Мы все можем сломаться, — сказала Софья, и в ее голосе послышалось что-то похожее на усталость. — Но мы должны идти дальше. Это единственный способ выжить.

Она отвернулась от них и подошла к двери, которая вела в коридор. Она прислушалась к звукам за дверью, и ее лицо было напряженным. Она слышала только ветер и снег, но

она знала, что это не было спокойствием. Это было затишьем перед бурей.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны найти способ выбраться из этого дома. Мы должны найти выход.

— Как? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось отчаяние. — Как мы можем найти выход, если мы не знаем, где мы? Мы потерялись. Мы потерялись в этом лабиринте. Мы потерялись в этом кошмаре.

— Мы будем искать, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Мы будем идти вперед. Мы не остановимся, пока не найдем дорогу.

Она повернулась к ним, и в ее глазах горел холодный, решительный огонь. Она знала, что они должны идти. Они должны бороться. Они должны выжить.

Но внутри нее оставался вопрос. Вопрос, который мучил ее, как голос в ее голове.

«Кто я? Я лидер или я палач? Я спаситель или я убийца?»

Она не знала ответа. Она знала только, что должна идти

вперед. Должна вести их. Должна выжить.

Часть II. Вторжение в логику (Распределение ролей)

Маргарита не знала, сколько еще они провели в этой комнате. Время здесь было искажено, оно текло как патока, тягучее и липкое, застревая в горле, не давая дышать. Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на Аркадия, который лежал без движения. Его дыхание стало более ровным, но она знала, что это не было признаком улучшения. Это был просто сон. Тяжелый, беспокойный сон, в котором он боролся с демонами, которые преследовали его.

Софья сидела напротив, и ее лицо было непроницаемым, как маска. Она смотрела на Аркадия с выражением, которое трудно было прочесть, и ее пальцы сжимали блокнот, который лежал у нее на коленях. Она не делала заметок. Она просто ждала. Ждала, когда они смогут двигаться дальше.

Елена сидела в углу, прижавшись к стене, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном, и ее губы продолжали шевелиться, произнося слова, которые были адре-

сованы только ей одной. Она была где-то далеко, в мире, куда никто из них не мог проникнуть.

— Мы не можем двигаться дальше в таком составе, — сказала Софья, и ее голос был тихим, но в нем слышалась сталь. Она подняла голову и посмотрела на Маргариту. Ее глаза были холодными, почти пугающими, но в них горел огонь — огонь решения. — Аркадий не может идти. Он не может видеть. Он не может защищать себя. Он — обуза. И если мы хотим выжить, мы должны признать это.

— Ты предлагаешь оставить его? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалась злость. — Ты предлагаешь бросить его здесь, как старую, ненужную вещь?

— Я предлагаю адаптироваться, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Я предлагаю изменить нашу стратегию. Мы не можем тащить его по всему дому в таком состоянии. Мы не можем идти так же, как шли раньше. Мы должны найти безопасное место. Мы должны провести здесь ночь. Или, по крайней мере, несколько часов.

— И что мы будем делать? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось отчаяние. — Мы не можем просто сидеть здесь и ждать. Мы должны что-то делать.

— Мы будем делать то, что нужно, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы разделим обязанности. Мы распределим роли. Мы будем действовать как команда, а не как стадо испуганных овец.

Она поднялась на ноги и подошла к центру комнаты. Ее спина была прямой, как струна, и она смотрела на них с выражением, в котором смешивались власть и холодная решимость.

— Вот что мы сделаем, — сказала она, и ее голос был громким, резким. — Аркадий не может ходить. Маргарита, ты будешь его сиделкой. Ты будешь следить за его состоянием. Ты будешь менять ему повязки. Ты будешь давать ему воду. Ты будешь следить, чтобы он не снимал повязку с глаз. Ты будешь его голосом, его руками, его глазами. Ты поняла?

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она чувствовала, как унижение проникает в ее тело, как оно заполняет каждую клетку, вытесняя все остальные эмоции. Она была режиссером. Она была лидером. А теперь она должна была стать нянькой. Сторожем для слепого, беспомощного человека.

— Я поняла, — сказала она, и ее голос был тихим, почти безжизненным.

Софья кивнула и повернулась к Елене. Она стояла в углу, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном, и ее губы продолжали шевелиться, произнося слова, которые были адресованы только ей одной.

— Елена, — сказала Софья, и ее голос стал мягче, но не менее настойчивым. — Ты слышишь меня?

Елена медленно подняла голову. В ее глазах была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра узнавания.

— Что? — спросила она, и ее голос был тихим, как шепот.

— Ты будешь сторожем, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Ты будешь сидеть у двери. Ты будешь прислушиваться к звукам дома. Ты будешь нашим ранним предупреждением. Ты будешь нашими глазами, когда мы не можем видеть. Ты поняла?

Елена смотрела на нее, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание. Она медленно кивнула, и ее губы перестали шевелиться.

— Я поняла, — сказала она, и ее голос был тихим.

Софья повернулась к ним обеим и посмотрела на них с выражением, в котором смешивались власть и холодная решимость.

— А я буду стратегом, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Я буду искать путь. Я буду изучать карту. Я буду проверять коридоры. Я буду принимать решения. Я буду нести ответственность за наше выживание.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они должны были разделить обязанности. Они должны были действовать как команда. Но она также знала, что эта новая роль, которую ей навязали, была унижительной. Она была актрисой, режиссером, лидером. А теперь она должна была быть сиделкой. Нянькой. Служанкой.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — сказала она, и ее голос был тихим.

Софья кивнула, и в ее глазах мелькнула искра удовлетво-

рения. Она повернулась к двери и открыла ее. За ней была темнота. Глубокая, бездонная темнота, которая, казалось, ждала их.

— Я пойду проверю коридоры, — сказала она, и ее голос был твердым. — Я вернусь через час. Вы должны оставаться здесь и ждать меня. Если я не вернусь... — она замолчала, и ее лицо стало напряженным. — Если я не вернусь, вы должны найти способ выбраться отсюда. Вы должны выжить.

Она шагнула в темноту, и дверь за ней закрылась с тихим скрипом. Маргарита осталась одна с Аркадием и Еленой. Она чувствовала, как внутри нее поднимается холод, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции. Она была пуста. Как этот дом. Как эти стены. Как и они все.

Она подошла к Аркадию и опустилась на колени рядом с ним. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, и он то и дело вздрагивал во сне. Она положила руку на его лоб и почувствовала, как жар проникает в ее пальцы. Он все еще горел.

— Мы не позволим тебе умереть, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Мы не позволим тебе умереть. Мы будем бороться за тебя. Мы будем бороться за всех

нас.

Она не знала, верит ли она в свои слова. Но она знала, что должна сказать их. Должна дать ему надежду. Даже если эта надежда была иллюзией.

Часть III. Стадия саморазрушения (Гнев и боль)

Они были одни. Маргарита сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Аркадия, который лежал без движения. Елена сидела у двери, и ее глаза были устремлены на темноту, которая ждала за ней. Тишина была тяжелой, давящей, и она чувствовала, как она проникает в ее тело, заполняя каждую клетку, вытесняя все остальные эмоции.

Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее чувство. Она была бесполезна. Она была никем. Она была просто сиделкой, нянькой, служанкой. Она потеряла свою власть, свой статус, свое место в этом мире. И теперь она была просто еще одной марионеткой в этом бесконечном спектакле, который Крестовский поставил для них.

Она смотрела на свои руки, которые дрожали. Они были грязными, покрытыми порезами и ссадинами, которые она получила за последние дни. Они не были ее руками. Они были руками чужого человека. Человека, который потерял все.

— Ты в порядке? — спросил Аркадий, и его голос был тихим, почти безжизненным. Он лежал с закрытыми глазами, но она знала, что он не спал. Он просто лежал и слушал. Слушал звуки дома, звуки их дыхания, звуки их сердец.

— Я не знаю, — ответила Маргарита, и ее голос был хриплым, сорванным от молчания последних часов. — Я не знаю, в порядке ли я. Я не знаю, что чувствую.

— Ты чувствуешь то же, что и я, — сказал Аркадий, и его голос был тихим. — Ты чувствуешь, как внутри тебя поднимается холод. Ты чувствуешь, как он заполняет тебя, вытесняя все остальное. Ты чувствуешь, как ты становишься пустой. Как и я.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что он был прав. Она чувствовала то же, что и он. Она чувствовала, как внутри нее поднимается холод, как он заполняет ее, вытесняя все остальные эмоции.

— Я не хочу быть пустой, — сказала она, и ее голос дрожал. — Я не хочу быть такой, как они. Я не хочу быть такой, как Крестовский.

— Ты не такая, как он, — сказал Аркадий, и его голос был твердым. — Ты не такая, как он. Ты никогда не была такой. Ты просто потеряла себя. Ты просто забыла, кто ты есть. Но ты можешь найти себя снова.

— Как? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось отчаяние. — Как я могу найти себя, если я не знаю, кто я?

— Ты знаешь, кто ты, — сказал Аркадий, и его голос был тихим. — Ты Маргарита Зорина. Ты режиссер. Ты актриса. Ты человек, который мечтал о славе. Ты человек, который был сломлен, но не уничтожен. Ты — не пустота. Ты — жизнь.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она хотела верить ему. Она хотела верить, что она не была пустотой. Но голос в ее голове был слишком громким. И она не могла бороться с ним.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказала она, и ее голос был тихим, почти шепотом. — Я не знаю, смогу ли я найти себя

снова. Я слишком долго была сломлена. Я слишком долго была никем. Я не знаю, смогу ли я стать кем-то.

— Ты уже стала кем-то, — сказал Аркадий, и его голос был твердым. — Ты стала человеком, который выжил. Ты стала человеком, который борется. Ты стала человеком, который идет вперед, даже когда ему страшно. И это то, что делает тебя сильной.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она хотела верить ему. Она хотела верить, что она была сильной. Но голос в ее голове был слишком громким.

В этот момент Елена подняла голову. Ее глаза были широко открыты, и она смотрела в пространство перед собой с выражением, в котором смешивались страх и странное, почти пугающее понимание.

— Он говорит, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Он говорит, что мы должны играть. Что мы должны сыграть наши роли до конца. Что только тогда мы сможем освободиться.

— Кто говорит? — спросила Маргарита, и в ее голосе слышалось напряжение.

— Он, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Тот, кто ждет за дверью. Тот, кто наблюдает за нами. Тот, кто знает все наши секреты.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Елена была безумна. Она знала, что она не могла доверять ей. Но она также знала, что в ее безумии была правда. Правда, которую они не хотели видеть.

— Мы не должны слушать его, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы не должны слушать его. Мы должны слушать друг друга. Мы должны поддерживать друг друга. Мы должны выжить.

Елена смотрела на нее, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание. Она медленно кивнула, и ее губы перестали шевелиться.

— Я слушаю тебя, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я слушаю тебя, Маргарита. Я верю тебе.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась странная, почти пугающая волна эмоций. Она не знала, верить ли Елене. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Но

она знала, что должна продолжать идти. Должна вести их. Должна выжить.

Она подошла к Аркадию и опустилась на колени рядом с ним. Его дыхание было ровным, и он, казалось, спал. Она положила руку на его плечо и почувствовала, как его тело дрожит.

— Мы не позволим тебе умереть, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Мы не позволим тебе умереть. Мы будем бороться за тебя. Мы будем бороться за всех нас.

Часть IV. Снаряжение для выживания

Прошло несколько часов. Маргарита не знала точно, сколько, но она чувствовала, как время тянулось, как оно застревало в горле, не давая дышать. Она сидела на полу, прильнув спиной к стене, и смотрела на Аркадия, который лежал без движения. Его дыхание было ровным, и он, казалось, спал. Но она знала, что это не было признаком улучшения. Это был просто сон. Тяжелый, беспокойный сон, в котором он боролся с демонами, которые преследовали его.

Елена сидела у двери, и ее глаза были устремлены на темноту. Она не двигалась. Она просто сидела и слушала. Слушала звуки дома, звуки их дыхания, звуки их сердец.

И затем она услышала шаги. Шаги в коридоре. Легкие, почти неслышные, но они были там. Она подняла голову, и в ее глазах мелькнула искра понимания.

— Он идет, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Он идет за нами.

Маргарита поднялась на ноги. Ее сердце колотилось в груди, и она чувствовала, как внутри нее поднимается страх. Она подошла к двери и прислушалась. Шаги становились все громче, все ближе.

— Кто там? — крикнула она, и ее голос эхом разнесся по коридору.

Ответа не было. Только шаги. Они становились все громче, все ближе. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается паника, как она заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции.

— Стойте! — закричала она, и ее голос сорвался на истерический фальцет. — Стойте! Кто там?

Шаги остановились. Тишина стала абсолютной. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом сто-
нал под напором стихии.

Затем дверь открылась. На пороге стояла Софья. Ее лицо
было бледным, но в ее глазах горел холодный, решительный
огонь.

— Я нашла его, — сказала она, и ее голос был твердым. —
Я нашла путь. Комната, отмеченная на карте. Она находится
за Большим залом. Но путь к ней лежит через коридор, ко-
торый патрулирует... что-то.

— Что-то? — переспросила Маргарита, и в ее голосе по-
слышалось напряжение. — Что значит «что-то»?

— Я не знаю, — сказала Софья, и ее голос был холод-
ным, как лед. — Я видела тень. Движение. Оно было слиш-
ком быстрым, чтобы быть человеком. Или слишком медлен-
ным, чтобы быть животным. Это было что-то, что он оставил
здесь. Что-то, что охраняет его тайны.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась но-
вая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они
должны были идти. Они должны были найти эту комнату.

Они должны были узнать правду.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны найти эту комнату. Мы должны узнать правду.

— Мы не можем взять его с собой, — сказала Софья, и она указала на Аркадия. — Он не выдержит дороги. Он только замедлит нас. Мы должны оставить его здесь.

— Нет, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым. — Мы не оставим его. Мы не бросим его здесь, как старую, ненужную вещь. Мы найдем другой способ.

— Какой способ? — спросила Софья, и в ее голосе слышалась злость. — Какой способ, Маргарита? Мы не можем тащить его по всему дому! Мы не можем рисковать нашими жизнями ради одного человека, который все равно не выживет!

— Он выживет! — закричала Маргарита, и ее голос сорвался на истерический фальцет. — Он выживет, потому что я не позволю ему умереть! Я буду бороться за него! Я буду бороться за всех нас!

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только

ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Маргарита была права. Они не могли оставить Аркадия. Они не могли бросить его.

— Хорошо, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы не оставим его. Но мы не можем взять его с собой. Мы должны найти компромисс. Мы должны перенести его в более безопасное место. Мы должны оставить его там, пока мы будем искать путь.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они должны были найти компромисс.

— Хорошо, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы перенесем его. Мы найдем безопасное место. Мы оставим его там. А потом мы пойдем искать путь.

Они подошли к Аркадию. Он лежал без движения, и его дыхание было ровным. Маргарита опустилась на колени рядом с ним и положила руку на его плечо.

— Аркадий, — сказала она, и ее голос был мягким, как шепот. — Ты должен проснуться. Мы должны перенести тебя. Мы должны найти безопасное место.

Он медленно открыл глаза. Его слепые глаза были устремлены в пространство перед собой, и он смотрел туда, где, по его ощущениям, должна была стоять Маргарита.

— Куда мы идем? — спросил он, и его голос был тихим, почти безжизненным.

— Мы не знаем, — сказала Маргарита, и ее голос дрожал. — Мы просто должны идти. Мы должны найти безопасное место. Мы должны выжить.

Она помогла ему подняться. Его тело было тяжелым, и она чувствовала, как он дрожит. Она обвила его рукой и повела к двери. Софья и Елена шли впереди, освещая путь тусклым фонариком.

Они вышли в коридор. Он был темным, и в нем витал тот же запах пыли и старого дерева, который преследовал их все эти дни. Но теперь этот запах был другим. Он был более густым, более тяжелым, как будто сам дом начал дышать глубже, готовясь к чему-то, что должно было произойти.

Они шли через коридоры, и их шаги эхом разносились по пустому дому. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается страх, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции. Но она не позволяла себе остановиться. Она должна была идти. Она должна была вести их. Она должна была выжить.

Часть V. Столкновение со стеной

Они прошли через несколько коридоров, и Маргарита чувствовала, как усталость наваливается на нее, как тяжесть последних дней давит на плечи, сгибает спину, заставляет глаза слипаться. Она не знала, сколько еще они смогут идти. Она не знала, найдут ли они безопасное место. Она знала только, что они должны продолжать.

— Стойте! — сказала Софья, и она остановилась. Ее лицо было напряженным, и она смотрела в темноту перед собой. — Я слышу что-то. Шаги. В коридоре.

Они замерли, прислушиваясь. Тишина была абсолютной. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Затем они услышали их. Шаги. Легкие, почти неслышные, но они были там. Кто-то шел по коридору, приближаясь к ним.

— Кто там? — крикнула Софья, и ее голос эхом разнесся по коридору.

Ответа не было. Только шаги. Они становились все громче, все ближе.

— Мы должны идти, — сказала Маргарита, и ее голос дрожал. — Мы должны идти, пока он не нашел нас.

Они ускорили шаг, но шаги за ними становились все быстрее. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается паника, как она заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции.

Они вбежали в большую комнату. Это был старый зал, заставленный декорациями и манекенами. В центре зала стоял массивный камин, и его каменная кладка была покрыта слоем сажи и паутины.

— Мы должны спрятаться, — сказала Софья, и ее голос был напряженным. — Мы должны найти место, где можно укрыться.

Они спрятались за грудой декораций, и Маргарита чувствовала, как ее сердце колотится в груди. Она сжимала руку Аркадия, и он дрожал.

— Тихо, — прошептала она. — Тихо. Мы должны быть тихими.

Шаги приближались. Они были уже совсем близко. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается страх, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции.

Затем шаги остановились. Тишина стала абсолютной. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита затаила дыхание. Она слышала, как ее сердце колотится в груди, как кровь стучит в висках. Она чувствовала, как холод проникает в ее тело, как он сжимает ее горло.

Затем раздался голос. Сухой, надтреснутый, как трение наждачной бумаги о стекло. Это был голос Крестовского.

— Я знаю, что вы здесь, — сказал он, и его голос эхом разнесся по залу. — Я знаю, что вы прячетесь. Вы думаете, что

можете спрятаться от меня? Вы думаете, что можете убежать от меня? Вы ошибаетесь. Вы никогда не убежите от меня. Я всегда буду здесь. Я всегда буду с вами.

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Она сжимала руку Аркадия, и он дрожал.

— Это не он, — прошептала она. — Это просто запись. Это просто ловушка. Мы не должны поддаваться на это.

— Я знаю, — сказал Аркадий, и его голос был тихим. — Я знаю, что это не он. Но это его голос. Его голос, который преследует нас. Его голос, который всегда будет преследовать нас.

Голос затих, и шаги начали удаляться. Они становились все тише, все дальше. И затем они исчезли.

Маргарита медленно выдохнула. Она чувствовала, как ее тело дрожит, как сердце колотится в груди. Она смотрела на Аркадия, и его лицо было бледным, как полотно.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы должны найти безопасное место.

Они вышли из-за декораций и двинулись дальше. Они

прошли через несколько коридоров и нашли небольшую комнату. Она была тесной, но в ней было тепло. В ней стояла старая, пыльная печь, и на полу лежали груды старых, пыльных тряпок.

— Мы останемся здесь, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы останемся здесь на ночь. Мы отдохнем. А завтра мы решим, что делать дальше.

Они вошли в комнату, и Маргарита почувствовала, как внутри нее поднимается волна облегчения. Она не знала, что их ждет завтра. Она не знала, смогут ли они выжить. Но она знала, что они были в безопасности. Хотя бы на время.

Часть VI. Мизансцена изоляции

Маргарита сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Аркадия. Он лежал на груди тряпок, и его дыхание было ровным. Он спал. Его лицо было бледным, но он больше не дрожал. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие.

Софья сидела у двери, и ее лицо было напряженным. Она смотрела на темноту, которая ждала за дверью, и ее пальцы

сжимали блокнот, который лежал у нее на коленях. Елена сидела в углу, прижавшись к стене, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, и ее губы продолжали шевелиться, произнося слова, которые были адресованы только ей одной.

Маргарита смотрела на них, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Они были сломаны. Они были уничтожены. Но они были живы. И пока они были живы, у них был шанс.

— Мы должны решить, что делать дальше, — сказала она, и ее голос был тихим, но твердым. — Мы не можем оставаться здесь. Мы должны найти выход.

— Мы найдем его, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Мы найдем его, потому что у нас нет выбора.

Она поднялась на ноги и подошла к окну. Снег все еще падал, и ветер выл за стеклом. Она смотрела на этот белый, бесконечный мир, и внутри нее поднималась странная, почти пугающая пустота.

— Мы должны быть осторожны, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы не знаем, что нас ждет. Мы не знаем, что

он оставил для нас. Но мы должны идти. Мы должны найти правду.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они должны были идти. Они должны были найти правду. Они должны были выжить.

Она подошла к Аркадию и опустилась на колени рядом с ним. Его лицо было бледным, и он спал. Она положила руку на его плечо и почувствовала, как его тело дрожит.

— Мы не позволим тебе умереть, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Мы не позволим тебе умереть. Мы будем бороться за тебя. Мы будем бороться за всех нас.

Она поднялась на ноги и подошла к двери. Софья стояла у окна, и ее лицо было напряженным. Елена сидела в углу, и ее губы продолжали шевелиться.

— Мы должны идти, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым. — Мы должны найти выход. Мы должны выжить.

Она открыла дверь и шагнула в темноту. За ней, один за другим, двинулись остальные. Они шли по коридору, и их

шаги эхом разносились по пустому дому. Они шли к правде. Шли к свободе. Шли к финалу, который принадлежал им.

Но внутри Софьи оставался вопрос. Вопрос, который мучил ее, как голос в ее голове.

«Кто я? Я лидер или я палач? Я спаситель или я убийца?»

Она не знала ответа. Она знала только, что должна идти вперед. Должна вести их. Должна выжить.

И она пошла.

Конец Главы 37.

Глава 38: Декорация: Три сестры

«Когда сцена пуста, зритель начинает смотреть на актёров. Когда актёры сломлены, зритель становится судьёй».

— Из пьесы Бориса Ланского «Три сестры» (неопубликованная версия)

Часть I. Анатомия отчаяния

Ночь в маленькой комнате тянулась бесконечно. Маргарита не спала. Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на Аркадия, который лежал на груди старых тряпок. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, и он то и дело вздрагивал во сне, как будто боролся с кем-то невидимым. Его лицо было бледным, покрытым испариной, и повязка на глазах намокла от пота и слез, которые текли по его щекам даже во сне.

Она не знала, сколько времени прошло. Она потеряла счет часам, дням, минутам. Время здесь текло по-другому, подчиняясь ритму их страха и отчаяния. Она чувствовала, как усталость наваливается на нее, как тяжесть последних дней давит на плечи, сгибает спину, заставляет глаза слипаться. Она хотела просто закрыть глаза и уснуть. Уснуть и никогда не просыпаться. Но она знала, что не может позволить себе этого. Она должна была быть сильной. Должна была бороться. Должна была выжить.

Софья сидела у двери, и ее спина была прямой, как струна. Она не спала. Она не отдыхала. Она просто сидела и смотрела на темноту, которая ждала за дверью, и ее пальцы сжимали блокнот, который лежал у нее на коленях. Ее лицо было непроницаемым, как маска, и только легкое, почти неза-

метное напряжение в уголках губ выдавало ту внутреннюю борьбу, которую она вела сама с собой.

Елена сидела в углу, прижавшись к стене, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном, и ее губы продолжали шевелиться, произнося слова, которые были адресованы только ей одной. Она была где-то далеко, в мире, куда никто из них не мог проникнуть. Иногда она начинала раскачиваться, монотонно, механически, как маятник, который отсчитывал последние секунды их коллективного безумия.

Маргарита смотрела на них, и внутри нее поднималась странная, почти пугающая пустота. Они были сломаны. Они были уничтожены. Но они были живы. И пока они были живы, у них был шанс. Но она не знала, сколько еще они смогут продержаться. Она не знала, сколько еще их тела и разумы смогут выдерживать этот кошмар.

Внезапно Аркадий застонал. Его тело содрогнулось, и он попытался приподняться, но его руки подкосились, и он упал обратно на груды тряпок. Его лицо было искажено от боли, и он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Тише, — сказала Маргарита, и она подошла к нему. Она опустилась на колени рядом с ним и положила руку на

его плечо. — Тише, Аркадий. Ты должен лежать спокойно. Ты должен отдыхать.

— Я не могу, — прохрипел он, и его голос был тихим, почти безжизненным. — Я не могу дышать. Мне трудно дышать. Этот воздух... он слишком тяжелый. Он душит меня.

— Это просто страх, — сказала Софья, и она подошла к ним. Ее голос был холодным, как лед, но в нем слышалось напряжение. — Это просто твой страх, который душит тебя. Ты должен научиться контролировать его. Ты должен научиться дышать, несмотря на него.

— Ты не понимаешь, — сказал Аркадий, и его голос дрожал. — Ты никогда не понимала. Ты думаешь, что все можно контролировать. Ты думаешь, что все можно проанализировать. Ты думаешь, что страх — это просто химия, которую можно победить с помощью логики. Но ты ошибаешься. Страх — это не химия. Страх — это правда. Это та правда, которую мы не хотим видеть. И теперь я вижу ее. Я вижу ее яснее, чем когда-либо.

Он замолчал, и его дыхание стало тяжелее. Маргарита чувствовала, как его тело дрожит под ее рукой, как он борется с болью, которая разрывает его изнутри. Она хотела сказать что-то, но не могла найти слов.

— Что ты видишь? — спросила Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Что ты видишь, Аркадий?

Он медленно повернул голову в ее сторону. Его слепые глаза были устремлены на нее, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Я вижу правду, — сказал он, и его голос был тихим, как шепот. — Я вижу, кто вы есть на самом деле. Я вижу ваши маски. Я вижу ваши страхи. Я вижу ваши надежды. Я вижу все. И это страшнее, чем любая тьма.

Он замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что он был прав. Они все носили маски. Они все прятались за ними. И теперь, когда он потерял зрение, он видел их яснее, чем когда-либо.

— Ты должен отдохнуть, — сказала она, и ее голос был мягким, как шепот. — Ты должен попытаться уснуть. Ты должен набраться сил.

Аркадий покачал головой. Его лицо было бледным, и он смотрел в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном.

— Я не могу уснуть, — сказал он, и его голос был тихим. — Я боюсь уснуть. Я боюсь, что если я закрою глаза, я больше никогда не открою их. Я боюсь, что это будет мой последний сон.

— Это не будет твой последний сон, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы не позволим тебе умереть. Мы будем бороться за тебя. Мы будем бороться за всех нас.

Аркадий смотрел на нее, и внутри него поднималась новая волна эмоций. Он хотел верить ей. Он хотел верить, что они смогут выжить. Но голос в его голове был слишком громким. И он не мог бороться с ним.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказал он, и его голос был тихим, почти шепотом. — Я не знаю, смогу ли я бороться. Я слишком устал. Я слишком сломлен. Я не знаю, есть ли у меня еще силы.

— У тебя есть силы, — сказала Маргарита, и она сжала его плечо. — У тебя есть силы, потому что ты жив. И пока

ты жив, у тебя есть шанс. Ты должен бороться. Ты должен выжить. Мы все должны выжить.

Аркадий смотрел на нее, и внутри него поднималась странная, почти забытая эмоция — надежда. Она была слабой, едва заметной, но она была. Он сжал ее руку и почувствовал, как ее тепло проникает в его кожу, в его кровь, в его душу.

— Хорошо, — сказал он, и его голос был тихим. — Я попробую. Я попробую бороться. Но я не обещаю, что у меня получится. Я не обещаю, что я не сломаюсь снова.

— Мы все можем сломаться, — сказала Софья, и в ее голосе послышалось что-то похожее на усталость. — Но мы должны идти дальше. Это единственный способ выжить.

Она отвернулась от них и подошла к двери. Она прислушалась к звукам за дверью, и ее лицо было напряженным. Она слышала только ветер и снег, но она знала, что это не было спокойствием. Это было затишьем перед бурей.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны найти способ выбраться из этого дома. Мы должны найти выход.

— Как? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось отчаяние. — Как мы можем найти выход, если мы не знаем, где мы? Мы потерялись. Мы потерялись в этом лабиринте. Мы потерялись в этом кошмаре.

— Мы будем искать, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Мы будем идти вперед. Мы не остановимся, пока не найдем дорогу.

Она повернулась к ним, и в ее глазах горел холодный, решительный огонь. Она знала, что они должны идти. Они должны бороться. Они должны выжить.

Но внутри нее оставался вопрос. Вопрос, который мучил ее, как голос в ее голове.

«Кто я? Я лидер или я палач? Я спаситель или я убийца?»

Она не знала ответа. Она знала только, что должна идти вперед. Должна вести их. Должна выжить.

Часть II. Вторжение в совесть

Прошло несколько часов. Маргарита сидела на полу, и ее

глаза были закрыты. Она не спала. Она просто сидела и слушала. Слушала дыхание Аркадия, которое было тяжелым, прерывистым. Слушала шепот Елены, которая сидела в углу и говорила с кем-то невидимым. Слушала тишину дома, которая была более красноречивой, чем любые слова.

Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она знала, что они пережили самое страшное. Но она также знала, что их путешествие не окончено. Они должны были найти выход. Они должны были выжить.

Внезапно Софья поднялась на ноги. Ее движения были резкими, решительными, и она смотрела на них с выражением, в котором смешивались холодная решимость и странная, почти пугающая жестокость.

— Мы должны принять решение, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы не можем продолжать в том же духе. Мы не можем тащить его с собой. Он — наша слабость. Он — наше слабое место. И убийца будет бить по нему, чтобы добраться до нас.

Маргарита открыла глаза и посмотрела на нее. Внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Софья была права. Ар-

кадий был их слабостью. Он был их обузой. Но она не могла оставить его. Она не могла бросить его, как старую, ненужную вещь.

— Ты предлагаешь оставить его? — спросила она, и ее голос дрожал. — Ты предлагаешь бросить его здесь, как старую, ненужную вещь?

— Я предлагаю нам выжить, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Я предлагаю нам сделать то, что должно быть сделано. Мы не можем взять его с собой. Он не выдержит дороги. Он только замедлит нас. И если мы продолжим тащить его за собой, мы все умрем. Все. Ты понимаешь это, Маргарита? Все мы умрем, потому что ты не можешь принять правильное решение.

— Правильное решение? — переспросила Маргарита, и в ее голосе послышалась злость. — Ты называешь это правильным решением? Оставить человека умирать в одиночестве? Это не правильное решение. Это убийство.

— Это не убийство, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Это выживание. Если мы останемся здесь, мы все умрем. Если мы возьмем его с собой, мы все умрем. Единственный шанс для него — найти выход и привести помощь. Единственный шанс для нас — оставить его здесь и найти

выход. Это жестокая правда, но это правда.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Она знала, что они не могли взять Аркадия с собой. Но она также знала, что не могла оставить его. Она не могла бросить его, как старую, ненужную вещь.

— Я не могу, — сказала она, и ее голос был тихим, почти шепотом. — Я не могу оставить его. Я не могу бросить его. Он — мой друг. Он — мой товарищ. Я не могу оставить его умирать в одиночестве.

— Он умрет в любом случае, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Если мы останемся здесь, он умрет. Если мы возьмем его с собой, он умрет. Единственный шанс для него — если мы найдем выход и приведем помощь. И единственный способ сделать это — оставить его здесь.

— Или мы можем остаться с ним, — сказала Маргарита, и в ее голосе слышалось отчаяние. — Мы можем остаться с ним и ждать, пока он поправится. Мы можем...

— Мы не можем ждать, — перебила ее Софья, и ее голос был резким. — У нас нет времени ждать. У нас нет еды. У

нас нет воды. У нас нет ничего. Если мы останемся здесь, мы умрем от голода и жажды. Мы умрем, потому что ты не можешь принять правильное решение.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Софья была права. Они не могли ждать. Они должны были идти. Они должны были выжить.

В этот момент Елена подняла голову. Ее глаза были широко открыты, и она смотрела на них с выражением, в котором смешивались страх и странное, почти пугающее понимание.

— Вы обе правы, — сказала она, и ее голос был тихим, как шепот. — И обе неправы. Он хочет, чтобы вы поссорились. Он хочет, чтобы вы разделились. Он хочет, чтобы вы стали слабыми. Он хочет, чтобы вы проиграли.

Маргарита и Софья замерли, глядя на нее. Елена смотрела на них, и в ее глазах было что-то новое. Не безумие. Не страх. А странное, почти пугающее понимание.

— Он всегда хочет, чтобы мы разделились, — продолжала Елена, и ее голос стал громче. — Он всегда хочет, чтобы мы ссорились. Он всегда хочет, чтобы мы были слабыми. Потому что когда мы разделены, мы слабы. Когда мы ссоримся,

мы слабы. Когда мы боимся, мы слабы. И он использует нашу слабость, чтобы победить нас.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Елена была права. Они не должны были ссориться. Они должны были быть вместе. Они должны были поддерживать друг друга.

— Ты права, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы не должны ссориться. Мы должны быть вместе. Мы должны поддерживать друг друга.

Софья смотрела на них, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Елена была права. Они не должны были ссориться. Они должны были быть вместе. Но она также знала, что они не могли взять Аркадия с собой. Они должны были найти компромисс.

— Хорошо, — сказала она, и ее голос был холодным, как лед. — Мы не будем ссориться. Мы найдем компромисс. Мы не можем взять его с собой, но мы не можем оставить его здесь в одиночестве. Мы должны найти решение.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они должны были найти компромисс.

— Что ты предлагаешь? — спросила она, и в ее голосе слышалось напряжение.

— Я предлагаю, чтобы ты осталась с ним, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Ты будешь его сиделкой. Ты будешь заботиться о нем, пока мы с Еленой будем искать выход. Мы пойдем на разведку. Мы найдем путь. Мы вернемся за вами.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что это был компромисс. Она знала, что это было лучшее решение, которое они могли принять.

— Хорошо, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я останусь с ним. Я буду заботиться о нем. Вы идите. Вы найдите выход. Вы вернитесь за нами.

Софья кивнула, и в ее глазах мелькнула искра удовлетворения. Она повернулась к Елене и посмотрела на нее.

— Ты идешь со мной, — сказала она, и ее голос был твердым. — Ты будешь моими глазами. Ты будешь чувствовать дом. Ты будешь вести меня.

Елена медленно поднялась на ноги. Ее движения были неуклюжими, как у марионетки, у которой обрезали нити, но в них чувствовалась странная, почти пугающая сила.

— Я иду с тобой, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я буду твоими глазами. Я буду чувствовать дом. Я буду вести тебя.

Софья повернулась к Маргарите и посмотрела на нее. Ее лицо было непроницаемым, как маска, но в ее глазах мелькнула искра чего-то, что она не могла понять.

— Мы вернемся, — сказала она, и ее голос был холодным, как лед. — Мы найдем выход. Мы вернемся за вами. Вы должны ждать нас. Вы должны выжить.

Она повернулась и пошла к двери. Елена последовала за ней, и ее шаги были легкими, почти неслышными. Дверь открылась, и они шагнули в темноту. Дверь закрылась за ними с тихим скрипом, и Маргарита осталась одна с Аркадием.

Она смотрела на закрытую дверь, и внутри нее поднималась странная, почти пугающая пустота. Она была одна. Она осталась одна с умирающим человеком в этом проклятом доме. Она не знала, вернутся ли Софья и Елена. Она не знала, смогут ли они найти выход. Она знала только, что она долж-

на ждать. Должна верить. Должна выжить.

Часть III. Стадия паранойи (Маргарита)

Маргарита сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Аркадия. Он лежал на гряде тряпок, и его дыхание было ровным. Он спал. Его лицо было бледным, но он больше не дрожал. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она была одна. Она осталась одна с умирающим человеком в этом проклятом доме.

Она не знала, сколько времени прошло. Минуты. Часы. Дни. Время здесь текло по-другому, подчиняясь ритму их страха и отчаяния. Она слышала, как ветер выл за окнами, как снег бил в стекло, как старый дом стонал под напором стихии. Она слышала, как ее сердце колотится в груди, как кровь стучит в висках. Она слышала все. И ничего.

Внезапно она услышала звук. Шаги. Легкие, почти неслышные, но они были там. Кто-то шел по коридору, приближаясь к двери. Она затаила дыхание и прислушалась. Шаги были тихими, но она знала, что они были реальными. Они не были игрой ее воображения.

Она медленно поднялась на ноги. Ее сердце колотилось в груди, и она чувствовала, как внутри нее поднимается страх. Она подошла к двери и прислушалась. Шаги остановились прямо за дверью. Тишина стала абсолютной. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

— Кто там? — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот.

Ответа не было. Только тишина. Затем раздался звук. Тихий, почти неслышимый смех. Смех Крестовского. Сухой, надтреснутый, как трение наждачной бумаги о стекло.

— Я знаю, что ты одна, — сказал голос, и он был полон насмешки. — Я знаю, что они оставили тебя. Я знаю, что ты боишься. Я знаю, что ты думаешь, что они не вернутся. И ты права. Они не вернутся. Они оставили тебя умирать. Они оставили тебя, как старую, ненужную вещь.

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Она знала, что это была ловушка. Она знала, что это был голос Крестовского, который преследовал ее. Но она также знала, что в его словах была правда. Софья и Елена могли не вернуться. Они могли оставить ее умирать в одиночестве.

— Они вернутся, — сказала она, и ее голос был твердым. — Они вернутся, потому что они обещали. Они вернутся, потому что они — мои друзья.

— Друзья? — переспросил голос, и в нем послышалась насмешка. — Ты думаешь, что у тебя есть друзья? Ты думаешь, что они заботятся о тебе? Они заботятся только о себе. Они оставили тебя здесь, потому что ты была слабой. Они оставили тебя здесь, потому что ты была обузой. Они не вернутся. Они никогда не вернутся.

Маргарита смотрела на дверь, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что голос был прав. Софья и Елена могли не вернуться. Они могли оставить ее умирать в одиночестве.

Она отошла от двери и подошла к Аркадию. Он лежал на груди тряпок, и его дыхание было ровным. Она опустилась на колени рядом с ним и положила руку на его плечо. Он вздрогнул, но не проснулся. Она чувствовала, как его тело дрожит под ее рукой, как он борется с болью, которая разрывает его изнутри.

— Они вернутся, — прошептала она, и ее голос был ти-

хим, как шепот. — Они вернутся, потому что они обещали. Они вернутся, потому что они — наши друзья. Мы не должны верить ему. Мы не должны слушать его голос.

Она не знала, верит ли она в свои слова. Но она знала, что должна сказать их. Должна дать ему надежду. Даже если эта надежда была иллюзией.

Она снова подошла к двери и прислушалась. Тишина была абсолютной. Голос исчез. Шаги исчезли. Она была одна. Она осталась одна с умирающим человеком в этом проклятом доме.

Она села на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыла глаза. Она чувствовала, как усталость наваливается на нее, как тяжесть последних дней давит на плечи, сгибает спину, заставляет глаза слипаться. Она хотела просто закрыть глаза и уснуть. Уснуть и никогда не просыпаться. Но она знала, что не может позволить себе этого. Она должна была быть сильной. Должна была бороться. Должна была выжить.

Часть IV. Снаряжение для разведки (Софья и Елена)

Софья шла по коридору, и ее шаги были уверенными, решительными. Она сжимала в руке фонарик, и его луч разрезал темноту, выхватывая из нее очертания стен, покрытых плесенью, и пола, усыпанного пылью и мусором. Елена шла за ней, и ее шаги были легкими, почти неслышными. Она смотрела в пространство перед собой, и ее глаза были широко открыты, как будто она видела то, что Софья не могла видеть.

— Мы должны идти, — сказала Софья, и ее голос был тихим, но твердым. — Мы должны найти путь. Мы должны найти выход.

— Я знаю, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. — Я чувствую его. Он зовет нас. Он хочет, чтобы мы пришли к нему.

— Кто? — спросила Софья, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Он, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Тот, кто ждет за дверью. Тот, кто наблюдает за нами. Тот, кто знает все наши секреты.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Елена была безумна. Она зна-

ла, что она не могла доверять ей. Но она также знала, что в ее безумии была правда. Правда, которую они не хотели видеть.

— Мы не должны слушать его, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны слушать друг друга. Мы должны поддерживать друг друга. Мы должны выжить.

Елена смотрела на нее, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание. Она медленно кивнула, и ее губы перестали шевелиться.

— Я слушаю тебя, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я слушаю тебя, Софья. Я верю тебе.

Они двинулись дальше. Коридоры были темными, и в них витал тот же запах пыли и старого дерева, который преследовал их все эти дни. Но теперь этот запах был другим. Он был более густым, более тяжелым, как будто сам дом начал дышать глубже, готовясь к чему-то, что должно было произойти.

— Мы почти пришли, — сказала Елена, и она остановилась. Ее глаза были устремлены на стену перед собой, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание. — Дверь здесь. Я чувствую ее.

Софья подошла к стене и провела рукой по ее поверхности. Она чувствовала, как под ее пальцами проходит шов, который был почти незаметен. Она нажала на стену, и она поддалась с легким скрипом, открывая узкий проход.

— Это здесь, — сказала она, и в ее голосе слышалось напряжение. — Мы нашли ее.

Они вошли в проход и оказались в небольшой комнате. Это была старая, пыльная библиотека, заставленная книгами и бумагами. В центре комнаты стоял массивный стол, и на нем лежала стопка бумаг.

— Это его библиотека, — сказала Софья, и она подошла к столу. — Это место, где он хранил свои настоящие секреты. Те, которые он не хотел, чтобы мы нашли.

Она начала перебирать бумаги, ища что-то, что могло бы помочь им. Елена стояла у двери, и ее глаза были устремлены на темноту, которая ждала за ней.

— Дверь нужно не открывать, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. — Ее нужно просить открыться. Ее нужно убедить, что ты достоин.

Софья подняла голову и посмотрела на нее. Внутри нее

поднималась новая волна эмоций. Она не понимала, что имела в виду Елена. Но она знала, что должна доверять ей.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, и в ее голосе слышалось напряжение.

— Он не хочет, чтобы мы просто нашли его, — сказала Елена, и ее голос был тихим. — Он хочет, чтобы мы заслужили это. Он хочет, чтобы мы доказали, что мы достойны. Мы должны сыграть. Мы должны прожить его трагедию. Только тогда дверь откроется.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Елена была права. Они должны были сыграть. Они должны были прожить его трагедию. Это был единственный способ открыть дверь.

Она подошла к Елене и посмотрела на нее. Ее лицо было бледным, но в ее глазах горел холодный, решительный огонь.

— Мы сыграем, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы проживем его трагедию. Мы докажем, что мы достойны. Мы откроем эту дверь.

Она повернулась и пошла обратно по коридору. Елена последовала за ней, и ее шаги были легкими, почти неслыш-

ными. Они шли к выходу. Шли к свободе. Шли к финалу, который принадлежал им.

Но внутри Софьи оставался вопрос. Вопрос, который мучил ее, как голос в ее голове.

«Кто я? Я лидер или я палач? Я спаситель или я убийца?»

Она не знала ответа. Она знала только, что должна идти вперед. Должна вести их. Должна выжить.

Часть V. Столкновение с правдой

Маргарита сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Аркадия. Он лежал на груди тряпок, и его дыхание было ровным. Он спал. Его лицо было бледным, но он больше не дрожал. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она была одна. Она осталась одна с умирающим человеком в этом проклятом доме.

Она не знала, сколько времени прошло. Она потеряла счет часам, дням, минутам. Время здесь текло по-другому, подчиняясь ритму их страха и отчаяния. Она слышала, как ве-

тер выл за окнами, как снег бил в стекло, как старый дом стонал под напором стихии. Она слышала, как ее сердце колотится в груди, как кровь стучит в висках. Она слышала все. И ничего.

Внезапно дверь открылась. На пороге стояли Софья и Елена. Их лица были бледными, но в их глазах горел холодный, решительный огонь. Они вернулись.

— Мы нашли ее, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы нашли дверь. Но это не та дверь, которую мы искали. Это ловушка. Она ведет в тупик.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что она была права. Они не нашли выход. Они нашли еще одну ловушку.

— Ты лжешь, — сказала она, и ее голос дрожал. — Ты лжешь, как и все они. Ты хочешь, чтобы мы остались здесь. Ты хочешь, чтобы мы умерли.

— Я не лгу, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Я говорю правду. Дверь не та. Мы нашли тупик. Мы должны искать дальше.

— Или ты хочешь, чтобы мы искали дальше, — сказала Маргарита, и в ее голосе послышалась злость. — Ты хочешь, чтобы мы искали дальше, потому что ты хочешь, чтобы мы устали. Ты хочешь, чтобы мы сломались. Ты хочешь, чтобы мы умерли.

— Ты не в себе, Маргарита, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Ты устала. Ты напугана. Ты видишь то, чего нет. Мы должны быть вместе. Мы должны поддерживать друг друга. Мы должны выжить.

— Нет, — сказала Маргарита, и ее голос стал громче. — Нет, мы не должны быть вместе. Мы не должны поддерживать друг друга. Ты хочешь, чтобы мы умерли. Ты хочешь, чтобы мы все умерли. Ты — как он. Ты — как Крестовский.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

В этот момент Аркадий открыл глаза. Его слепые глаза были устремлены в пространство перед собой, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Ты ошибаешься, Маргарита, — сказал он, и его голос

был твердым. — Софья не пытается убить меня. Она пытается спасти себя. И она права. Ты останешься со мной, Маргарита, потому что ты не можешь смотреть правде в глаза. Она же, — он повернул голову в сторону Софьи, — она готова пойти по трупам. И из нас троих только она сможет вытащить нас отсюда.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, верить ли ему. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Но она знала, что он был прав. Софья была готова пойти по трупам. И только она могла вытащить их отсюда.

— Я согласна, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я согласна на ваш план. Мы пойдем втроем. Мы найдем дверь. Мы узнаем правду.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Маргарита была права. Они должны были идти втроем. Они должны были найти дверь. Они должны были узнать правду.

— Хорошо, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы пойдем втроем. Мы найдем дверь. Мы узнаем правду.

Часть VI. Мизансцена жертвенности

Они стояли в центре комнаты, и тишина была абсолютной. Маргарита смотрела на Аркадия, который лежал на груде тряпок, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что они должны идти. Они должны найти дверь. Они должны узнать правду.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны найти дверь. Мы должны узнать правду.

— Я знаю, — сказал Аркадий, и его голос был тихим. — Я знаю, что вы должны идти. Я останусь здесь. Я буду ждать. Я буду ждать вас.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не хотела оставлять его. Она не хотела бросать его, как старую, ненужную вещь.

— Я не хочу оставлять тебя, — сказала она, и ее голос дрожал. — Я не хочу оставлять тебя здесь, в одиночестве.

— Ты не оставляешь меня, — сказал Аркадий, и его голос был твердым. — Ты идешь, чтобы спасти нас. Ты идешь, чтобы найти выход. Ты идешь, чтобы выжить. И я буду ждать

тебя. Я буду ждать вас всех.

Он протянул руку, и она взяла ее. Его пальцы были холодными, но в них чувствовалась странная, почти пугающая сила.

— Я буду ждать тебя, — повторил он, и его голос был тихим. — Я буду ждать, потому что я знаю, что ты вернешься. Ты всегда возвращаешься.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что он был прав. Она должна была идти. Она должна была найти выход. Она должна была выжить.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Его кожа была горячей, покрытой испариной, и она чувствовала, как жар проникает в ее губы, в ее кожу, в ее кровь, в ее душу.

— Я вернусь, — прошептала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Я вернусь за тобой. Я обещаю.

Она выпрямилась и повернулась к двери. Софья и Елена стояли на пороге, и их лица были бледными, но в их глазах горел холодный, решительный огонь.

— Мы идем, — сказала Софья, и ее голос был твердым.
— Мы идем, чтобы найти выход. Мы идем, чтобы выжить.

Маргарита кивнула и подошла к двери. Она остановилась на мгновение и обернулась. Аркадий лежал на груде тряпок, и его лицо было бледным, но на его губах играла странная, почти пугающая улыбка.

— Ты — ключ, — сказал он, и его голос был тихим. — Ты — тот самый ключ, который они искали. Ты откроешь дверь. Ты узнаешь правду. Ты будешь свободна.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, что он имел в виду. Но она знала, что он был прав. Она должна была идти. Она должна была найти выход. Она должна была выжить.

Она повернулась и шагнула в темноту. За ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена. Они шли по коридору, и их шаги эхом разносились по пустому дому. Они шли к правде. Шли к свободе. Шли к финалу, который принадлежал им.

Дверь за ними закрылась, и Аркадий остался один. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и его лицо было бледным. Он чувствовал, как в комнате кто-то есть. Но он не боялся. Он знал, что это был он. Крестовский. Его тень.

Его голос.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он, и его голос был твердым. — Ты хочешь забрать меня, но мои актрисы ушли играть твою последнюю роль. И они сыграют ее лучше, чем ты задумал.

Он замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии. Затем раздался смех. Сухой, надтреснутый, как трение наждачной бумаги о стекло. Смех Крестовского. Он был тихим, почти неслышным, но он был там.

— Увидим, — прошептал голос, и он затих.

Аркадий сидел в темноте, и его лицо было спокойным. Он знал, что они вернутся. Он знал, что они найдут выход. Он знал, что они выживут.

Он закрыл глаза и позволил тишине поглотить его.

Конец Главы 38.

Глава 39. Декорация: Признание (Акт Одиннадцатый)

Эпиграф:

«Трагедия не в том, что мы умираем, а в том, что мы живем с тем, что видели, и не можем забыть».

— Из неизданных дневников Маргариты Зориной (запись от 1985 года, найдена в архиве театра)

Часть I. Анатомия Пустого Коридора

Коридор тянулся бесконечно. Маргарита Зорина шла последней, и ее шаги эхом разносились по пустому пространству, создавая ощущение, что за ними кто-то идет. Она слышала, как впереди дышат Софья и Елена, как их дыхание становится тяжелым, прерывистым, как оно заполняет коридор, делая воздух плотным, вязким. Она чувствовала, как стены сжимаются вокруг нее, как они приближаются, как они пытаются раздавить ее, превратить в прах, в ничто. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странная, почти пугающая пустота. Не страх. Не отчаяние. А пустота, которая заполняла каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции, оставляя после себя лишь тихое, монотонное гудение усталости.

Она не знала, сколько они уже шли. Время здесь, в этом

проклятом доме, давно потеряло свой смысл. Оно текло по-другому, подчиняясь ритму их страха и отчаяния, растягиваясь и сжимаясь, как аккордеон, застревая в горле, не давая дышать. Она потеряла счет часам, дням, минутам. Она потеряла счет своим мыслям, своим чувствам, своей жизни. Она была пуста. Как этот коридор. Как этот дом. Как и они все.

Она смотрела на спины Софьи и Елены, которые шли впереди, и чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее чувство отчуждения. Они были рядом, но они были далеко. Они были в одном коридоре, но в разных мирах. Софья шла уверенно, ее шаги были решительными, и она сжимала в руке карту, которую они нашли в библиотеке. Ее лицо было непроницаемым, как маска, и только легкое, почти незаметное напряжение в уголках губ выдавало ту внутреннюю борьбу, которую она вела сама с собой. Она пыталась найти логический путь в этом хаосе, пыталась систематизировать безумие, наложить на него сетку рациональности, как будто это могло защитить ее от того, что ждало их впереди.

Елена шла иначе. Ее шаги были легкими, почти неслышными, и она двигалась, как призрак, как тень, которая не принадлежала этому миру. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном, и ее глаза были широко открыты, как будто она видела то, что они не

могли видеть. Иногда она останавливалась, прислушиваясь к чему-то, что было слышно только ей одной, и ее губы начинали шевелиться, произнося слова, которые были адресованы только ей одной. Она была как медиум, как проводник между мирами, и она вела их не по карте, а по голосам, которые звучали в ее голове.

— Мы идем по кругу, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. Она остановилась и посмотрела на карту, которая была разложена у нее на руках. Ее пальцы дрожали, и она сжимала бумагу с такой силой, что костяшки побелели. — Я вижу этот поворот уже в третий раз. Мы где-то заблудились. Карта больше не соответствует тому, что мы видим.

— Карта никогда не соответствовала тому, что мы видим, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. Она повернулась к Софье, и в ее глазах было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание. — Ты пытаешься найти логику там, где ее нет. Ты пытаешься найти путь там, где дороги нет. Дом не хочет, чтобы мы следовали по карте. Он хочет, чтобы мы следовали по голосам. Он хочет, чтобы мы слышали его.

— Я слышу только ветер, — сказала Софья, и в ее голосе послышалось напряжение. — Я слышу только этот проклятый ветер, который дует в щели. Я слышу, как старый дом

скрипит и стонет. Но я не слышу голосов. Я не слышу того, что слышишь ты.

— Потому что ты не хочешь слышать, — сказала Елена, и ее голос стал тише. — Ты боишься слышать. Ты боишься того, что они могут сказать тебе. Ты боишься правды.

Маргарита стояла позади них, и она слышала их разговор, но слова доносились до нее, как сквозь вату, как будто она была под водой. Она чувствовала, как ее тело становится тяжелым, как ноги наливаются свинцом, как каждый шаг дается ей с трудом. Она смотрела на стены, которые были покрыты слоем плесени и грязи, и они казались ей живыми. Они дышали, пульсировали, двигались, создавая иллюзию, что они не просто стены, а кожа огромного, спящего зверя, который ждал, когда они проснутся.

Она видела трещины в штукатурке, которые напоминали лица. Они складывались в гримасы боли, в крики, которые были застывшими и безмолвными. Она видела лица, которые она знала. Илью с застывшим выражением ужаса на лице. Аркадия, лежащего в окружении своих отражений. Елену, одетую в костюм Белого Пьеро, с нарисованными черными слезами на щеках. И свое собственное лицо, которое смотрело на нее из стены с выражением, в котором смешивались страх и странное, почти пугающее понимание.

— Мы должны идти дальше, — сказала Софья, и ее голос был твердым. Она сложила карту и убрала ее в карман. Ее лицо было напряженным, и она смотрела в темноту перед собой с выражением, в котором смешивались решимость и отчаяние. — Мы не можем останавливаться. Мы не можем сдаваться. Мы должны найти выход.

— Выхода нет, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. — Выхода нет, потому что мы не должны искать выход. Мы должны найти дверь. Мы должны найти ту дверь, которую он оставил для нас. Мы должны найти его сердце.

— Его сердце? — переспросила Софья, и в ее голосе слышалось напряжение. — Что ты имеешь в виду? Что значит «его сердце»?

— Это место, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Это место, где он хранит свои настоящие секреты. Где он хранит свою душу. Где он хранит свою правду. Мы должны найти его. Мы должны войти в него. Мы должны стать его частью.

Она замолчала, и в коридоре воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита смотрела на них, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, верить ли Елене. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Она чувствовала, как внутри нее поднимается холод, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции. Она была пуста. Как этот коридор. Как этот дом. Как и они все.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был тихим, но в нем слышалась сталь. Она сделала шаг вперед, и ее ноги дрожали, но она заставила себя двигаться. — Мы должны идти. Мы должны найти эту дверь. Мы должны узнать правду.

Она прошла мимо Софьи и Елены и начала идти по коридору. Она не знала, куда она идет. Она не знала, есть ли у нее цель. Она знала только, что она должна двигаться. Должна идти. Должна выжить.

Софья и Елена последовали за ней. Их шаги эхом разносились по пустому коридору, создавая какофонию, которая заставляла сердце биться быстрее. Они шли, и стены сжимались вокруг них, и воздух становился все более тяжелым, все более плотным.

— Ты чувствуешь? — спросила Елена, и ее голос был ти-

хим, как шепот. — Ты чувствуешь, как дом дышит? Он живой. Он чувствует нас. Он знает, что мы здесь. Он ждет нас.

Маргарита чувствовала. Она чувствовала, как стены пульсируют, как пол вибрирует под ее ногами, как воздух становится теплым и влажным, как будто они шли по горлу огромного, спящего зверя. Она чувствовала, как внутри нее поднимается страх, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции.

— Мы почти пришли, — сказала Елена, и она остановилась. Ее глаза были устремлены на стену перед собой, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание. — Она здесь. Дверь здесь. Я чувствую ее.

Маргарита остановилась и посмотрела на стену. Она была пустой, покрытой слоем плесени и грязи. На ней не было ничего. Только трещины, которые складывались в причудливые узоры, напоминающие лица.

— Здесь нет двери, — сказала она, и в ее голосе послышалось напряжение. — Здесь ничего нет.

— Она есть, — сказала Елена, и ее голос был твердым. — Ты просто не видишь ее. Ты просто не хочешь видеть ее.

Ты должна поверить. Ты должна довериться мне. Ты должна открыть ее.

Маргарита смотрела на стену, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, верить ли Елене. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Но она знала, что у нее нет выбора.

Она подошла к стене и положила руку на ее поверхность. Она была холодной, покрытой слоем грязи, и она чувствовала, как под ее пальцами проходит шов, который был почти незаметен. Она нажала на стену, и она поддалась с легким скрипом, открывая узкий проход.

— Это здесь, — сказала она, и ее голос дрожал. — Мы нашли ее.

Она шагнула в проход, и за ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена. Они оказались в небольшой комнате. Это была старая, пыльная примерная, заставленная коробками и старыми вещами. В центре комнаты стоял массивный стол, и на нем лежала стопка бумаг.

— Это его комната, — сказала Софья, и она подошла к столу. — Это место, где он готовился к своим спектаклям. Где он создавал свои маски.

Она начала перебирать бумаги, ища что-то, что могло бы помочь им. Елена стояла у двери, и ее глаза были устремлены на темноту, которая ждала за ней. Маргарита стояла в центре комнаты, и она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее чувство дежавю. Она уже была здесь. Она уже видела это место. Во сне. Или в видении. Она не знала.

Она подошла к столу и посмотрела на бумаги. Они были старыми, пожелтевшими, и на них был тот же каллиграфический почерк Крестовского. Она взяла одну из них и начала читать. Слова расплывались перед глазами, но она могла разобрать их. Это были его заметки. Его режиссерские заметки о пьесе «Осенний сад».

«Палач не знает, что он тоже актер, — прочитала она вслух, и ее голос эхом разнесся по комнате. — Он думает, что он создает правила, но он всего лишь марионетка. И его марионетка перережет нити. Палач умрет от той же руки, которой убивал. Потому что в конце концов правда всегда побеждает ложь».

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Часть II. Вторжение в Память (Начало пути назад)

Софья остановилась и посмотрела на Маргариту. Ее лицо было напряженным, и она сжимала в руках стопку бумаг, которые она только что нашла. Ее пальцы дрожали, и она смотрела на Маргариту с выражением, в котором смешивались подозрение и холодная, аналитическая решимость.

— Мы должны отдохнуть, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы не можем идти дальше в таком состоянии. Мы должны перевести дух. Мы должны подумать.

Маргарита кивнула, и она опустилась на пол, прислонившись спиной к стене. Она чувствовала, как усталость наваливается на нее, как тяжесть последних дней давит на плечи, сгибает спину, заставляет глаза слипаться. Она хотела просто закрыть глаза и уснуть. Уснуть и никогда не просыпаться. Но она знала, что не может позволить себе этого.

Елена села в углу, прижавшись к стене, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном, и ее губы продолжали шевелиться, произнося слова, которые были адре-

сованы только ей одной. Она начала раскачиваться, монотонно, механически, как маятник, который отсчитывал последние секунды их коллективного безумия.

Софья подошла к ней и села напротив. Ее лицо было непроницаемым, как маска, и она смотрела на Маргариту с выражением, которое трудно было прочесть. Не жалость. Не страх. А что-то другое — холодное, аналитическое любопытство врача, который изучает пациента.

— Мы должны поговорить, — сказала она, и ее голос был холодным, как лед. — Мы должны обсудить то, что происходит. Мы должны понять, что мы делаем не так.

— Мы делаем все не так, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Мы делаем все не так, с самого начала. Мы должны были уйти из этого дома, когда у нас был шанс. Мы должны были бежать, когда он еще был жив. Но мы остались. Мы позволили ему управлять нами. Мы позволили ему играть с нами.

— Он мертв, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Он мертв, Маргарита. Ты должна понять это. Он не может управлять нами. Мы сами управляем собой. Мы сами выбираем свой путь.

— Тогда почему мы все еще здесь? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось отчаяние. — Почему мы все еще в этом проклятом доме? Почему мы все еще ищем выход, который, возможно, никогда не найдем?

— Потому что мы должны найти его, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Мы должны найти выход, потому что это единственный способ выжить. И мы найдем его. Мы найдем его, потому что у нас нет выбора.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Внезапно Елена подняла голову. Ее глаза были широко открыты, и она смотрела на Маргариту с выражением, в котором смешивались страх и странное, почти пугающее понимание. Она перестала раскачиваться, и ее губы перестали шевелиться. Она просто смотрела на Маргариту, и в ее взгляде было что-то, что заставило холод пробежать по спине Маргариты.

— Ты нашла его, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. — Ты думаешь, что закопала правду, но она в тебе, как червь в яблоке. Ты носишь ее в себе. Ты носишь его в себе. Он живет в тебе.

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Она смотрела на Елену, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Страх. Паника. И странное, почти пугающее понимание того, что Елена знает что-то, чего она не знает.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, и ее голос дрожал. — Что ты говоришь? О ком ты говоришь?

— О нем, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — О том, кто ждет за дверью. О том, кто наблюдает за нами. О том, кто знает все наши секреты.

— Елена, перестань, — сказала Софья, и ее голос был резким. — Ты только нагнетаешь панику. Ты говоришь загадками, которые никто не может понять. Если ты знаешь что-то, скажи прямо.

Елена смотрела на них, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание. Она медленно повернула голову к Маргарите, и ее глаза были устремлены на нее.

— Ты видела его, — сказала она, и ее голос был тихим, как шепот. — Ты видела его, когда он был мертв. Ты нашла его тело. Ты стояла перед ним и смотрела на него. Ты не позвала на помощь. Ты просто стояла и смотрела. И ты ушла.

Ты оставила его там, висеть, как марионетку, у которой обрезали нити.

Маргарита почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Она смотрела на Елену, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Страх. Паника. И странное, почти пугающее понимание того, что Елена знала правду. Она знала то, что Маргарита пыталась забыть. Она знала то, что Маргарита пыталась закопать глубоко внутри себя.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, и ее голос дрожал.
— Откуда ты знаешь об этом?

— Он сказал мне, — сказала Елена, и ее голос был тихим, как шепот. — Он сказал мне, когда я была там, в его комнате. Он сказал мне, что ты нашла его. Он сказал мне, что ты была первой. Он сказал мне, что ты была той, кто увидел его. Он сказал мне, что ты была той, кто не спасла его.

Софья смотрела на Маргариту, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, что сказать. Она не знала, что думать. Она просто смотрела на Маргариту и ждала.

— Маргарита, — сказала она, и ее голос был холодным, как лед. — Что она имеет в виду? Что она говорит? Ты видела тело Ланского? Ты была там, когда он умер?

Маргарита смотрела на них, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не хотела говорить. Она не хотела вспоминать. Но она знала, что у нее нет выбора. Она должна была рассказать им правду. Она должна была признаться.

— Да, — сказала она, и ее голос был тихим. — Да, я была там. Я видела его тело. Я нашла его. Это было много лет назад. Я была молодой и амбициозной. Я пришла в театр раньше всех. Я хотела доказать, что я достойна. Я хотела показать, что я — лучшая.

Она замолчала, и ее глаза наполнились слезами. Она чувствовала, как слезы текут по ее щекам, как они оставляют мокрые дорожки на бледной коже. Она не вытирала их. Она просто сидела и плакала, как ребенок, который потерял все, что у него было.

— Я нашла его в гримерной, — сказала она, и ее голос дрожал. — Он висел на крюке. Он был одет в костюм Пьеро. Белый, с черными слезами на щеках. Его лицо было бледным, как полотно, и его глаза были открыты. Они смотрели на меня. Они смотрели на меня, и в них была пустота.

Она замолчала, и ее тело содрогнулось от рыданий. Она плакала, как ребенок, который потерял все, что у него было.

Она плакала, потому что она не могла забыть. Она плакала, потому что она не могла простить себя.

— Ты не позвала на помощь, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Ты просто стояла и смотрела. Ты не позвала на помощь.

— Я не могла, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Я не могла пошевелиться. Я не могла говорить. Я просто стояла и смотрела. Я смотрела на него, и я не могла отвести взгляд. Я смотрела на него, и я чувствовала, как внутри меня поднимается странное, почти пугающее спокойствие.

— Какое спокойствие? — спросила Софья, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Спокойствие смерти, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Спокойствие, которое приходит, когда ты понимаешь, что все кончено. Что ничего уже не имеет значения. Что все, что ты делала, все, что ты хотела, все, что ты мечтала — все это было просто иллюзией. И в этот момент я поняла, что я хочу быть не жертвой. Я хочу быть творцом. Я хочу быть той, кто управляет. Я хочу быть той, кто создает правила. Я хочу быть той, кто решает, что будет дальше.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, что сказать. Она не знала, что думать. Она просто смотрела на Маргариту и чувствовала, как внутри нее поднимается холод.

— Ты стала такой, потому что ты видела смерть, — сказала она, и ее голос был тихим. — Ты стала такой, потому что ты видела, как он умер. Ты стала такой, потому что ты не могла спасти его. Ты стала такой, потому что ты боялась, что ты тоже станешь жертвой.

— Да, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Да, я стала такой, потому что я видела смерть. Я стала такой, потому что я не могла спасти его. Я стала такой, потому что я боялась, что я тоже стану жертвой. Я боялась, что я тоже умру. Я боялась, что я тоже исчезну. И я хотела жить. Я хотела быть сильной. Я хотела быть той, кто управляет.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Часть III. Стадия Откровения (Точка невозврата)

Тишина была тяжелой, давящей, и Маргарита чувствовала, как она проникает в ее тело, заполняя каждую клетку, вытесняя все остальные эмоции. Она смотрела на свои руки, которые дрожали. Они были грязными, покрытыми порезами и ссадинами, которые она получила за последние дни. Они не были ее руками. Они были руками чужого человека. Человека, который потерял все.

Она подняла голову и посмотрела на Софью. Ее лицо было непроницаемым, как маска, и она смотрела на Маргариту с выражением, которое трудно было прочесть. Не жалость. Не страх. А что-то другое — холодное, аналитическое любопытство врача, который изучает пациента.

— Ты говоришь, что ты не позвала на помощь, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Ты говоришь, что ты просто стояла и смотрела. Но ты не говоришь, почему ты это сделала. Почему ты не позвала на помощь?

— Я не знаю, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Я не знаю, почему я не позвала на помощь. Я просто стояла и смотрела. Я смотрела на него, и я чувствовала, как внутри меня поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Я чувствовала, как мир вокруг меня становится тише, как он исчезает, как я остаюсь одна. Одна с ним. Одна с его смертью.

— Ты боялась, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Ты боялась, что если ты позовешь на помощь, тебя обвинят. Ты боялась, что если ты позовешь на помощь, тебя сочтут причастной. Ты боялась, что если ты позовешь на помощь, ты потеряешь все, что у тебя было. Ты боялась, что если ты позовешь на помощь, ты станешь жертвой.

— Да, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Да, я боялась. Я боялась, что меня обвинят. Я боялась, что меня сочтут причастной. Я боялась, что я потеряю все, что у меня было. Я боялась, что я стану жертвой. Я боялась, что я умру.

Она замолчала, и ее тело содрогнулось от рыданий. Она плакала, как ребенок, который потерял все, что у него было. Она плакала, потому что она не могла забыть. Она плакала, потому что она не могла простить себя.

— Я украла его рукопись, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я украла ее, когда я была там. Я взяла ее и спрятала в своей сумке. Я не знала, почему я это сделала. Я просто чувствовала, что я должна это сделать. Я чувствовала, что это было важно. Я чувствовала, что это было ключом.

— Ключом к чему? — спросила Софья, и в ее голосе по-

слышалось напряжение.

— Ключом к пониманию, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Ключом к пониманию того, что произошло. Ключом к пониманию того, почему он умер. Ключом к пониманию того, почему Крестовский сделал то, что он сделал.

— Ты читала ее? — спросила Софья, и ее голос был холодным, как лед.

— Да, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Да, я читала ее. Я читала ее ночами напролет. Я читала ее, и я чувствовала, как внутри меня поднимается странное, почти пугающее понимание. Я чувствовала, как слова Ланского проникают в меня, как они становятся частью меня. Я чувствовала, как они меняют меня.

— Что ты поняла? — спросила Софья, и в ее голосе слышалось напряжение.

— Я поняла, что он знал, что умрет, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Я поняла, что он знал, что Крестовский убьет его. Я поняла, что он знал, что его смерть станет частью спектакля. Я поняла, что он позволил этому случиться. Он хотел, чтобы это случилось. Он хотел, чтобы его смерть стала его главным произведением.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, что сказать. Она не знала, что думать. Она просто смотрела на Маргариту и чувствовала, как внутри нее поднимается холод.

— Ты думаешь, что это оправдывает то, что ты сделала? — спросила Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Ты думаешь, что это оправдывает то, что ты не позвала на помощь? Ты думаешь, что это оправдывает то, что ты украла его рукопись?

— Нет, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим. — Нет, я не думаю, что это оправдывает меня. Я не думаю, что я могу быть оправдана. Я сделала то, что я сделала. Я не могу изменить этого. Я не могу забыть этого. Я могу только жить с этим. Я могу только пытаться понять это. Я могу только пытаться двигаться дальше.

Она подняла голову и посмотрела на Софью. В ее глазах было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Ты не понимаешь, — сказала она, и ее голос был тихим. — Ты не понимаешь, что я чувствую. Ты не понимаешь, что я пережила. Ты просто сидишь там, как кукла, и смотришь на нас. Ты никогда не чувствовала того, что чувствую я.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она хотела сказать что-то, но слова застряли в горле. Она смотрела на Маргариту, и она видела ее боль. Она видела ее страх. Она видела ее отчаяние. И она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее сочувствие.

— Ты права, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я не знаю, что ты чувствуешь. Я не знаю, что ты пережила. Но я знаю, что ты не должна нести это одна. Я знаю, что мы должны быть вместе. Я знаю, что мы должны поддерживать друг друга.

Она протянула руку и коснулась плеча Маргариты. Ее пальцы были холодными, но в них чувствовалась странная, почти пугающая сила.

— Ты не одна, — сказала она, и ее голос был твердым. — Ты не одна. Мы здесь. Мы с тобой. Мы все сломаны. Мы все уничтожены. Но мы все еще живы. И пока мы живы, у нас

есть шанс.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она чувствовала, как слезы текут по ее щекам, как они оставляют мокрые дорожки на бледной коже. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти забытое чувство — чувство облегчения.

— Спасибо, — сказала она, и ее голос был тихим. — Спасибо, что ты здесь.

Часть IV. Снаряжение для Правды (Новый взгляд)

Прошло несколько минут. Маргарита сидела на полу, прильнув спиной к стене, и смотрела на свои руки. Они перестали дрожать. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она рассказала им правду. Она призналась в том, что сделала. И теперь она чувствовала, как тяжесть, которая давила на нее все эти годы, начинает спадать.

Елена сидела в углу, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела на Маргариту с выражением, в котором смешивались страх и странное, почти пугающее понимание. Она

больше не раскачивалась. Она больше не шептала. Она просто сидела и смотрела.

Софья стояла у стола, и ее лицо было напряженным. Она смотрела на бумаги, которые лежали перед ней, и ее пальцы сжимали их с такой силой, что костяшки побелели. Она чувствовала, как внутри нее поднимается новая волна эмоций. Она не знала, что сказать. Она не знала, что думать. Она просто смотрела на бумаги и пыталась осмыслить то, что она только что услышала.

— Это все меняет, — сказала она, и ее голос был холодным, как лед. — Это все меняет. То, что ты сказала... это объясняет все. Это объясняет, почему Крестовский выбрал нас. Это объясняет, почему он выбрал тебя.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Маргарита, и в ее голосе слышалось напряжение.

— Он знал, — сказала Софья, и ее голос был тихим. — Он знал, что ты была там. Он знал, что ты нашла тело Ланского. Он знал, что ты украла его рукопись. Он знал все. И он использовал это. Он использовал это, чтобы управлять тобой. Он использовал это, чтобы заставить тебя играть свою роль.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась но-

вая волна эмоций. Она чувствовала, как холод пробегает по ее спине, как он заполняет каждую клетку ее тела, вытесняя все остальные эмоции.

— Он использовал меня? — спросила она, и ее голос дрожал. — Он использовал меня, чтобы играть свою игру?

— Да, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — Он использовал тебя. Он использовал всех нас. Мы были его марионетками. Мы были его актерами. Мы были его жертвами. Но теперь мы знаем правду. И теперь мы можем использовать ее против него.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, верить ли Софье. Она не знала, верить ли кому-либо из них. Но она знала, что Софья была права. Они должны были использовать правду против него. Они должны были переписать его финал.

— Что мы должны делать? — спросила она, и ее голос был тихим.

— Мы должны найти дверь, — сказала Софья, и ее голос был твердым. — Мы должны найти ту дверь, которую он оставил для нас. Мы должны войти в нее. Мы должны узнать правду.

Она подошла к столу и взяла в руки стопку бумаг. Она начала перебирать их, ища что-то, что могло бы помочь им. Ее глаза быстро скользили по страницам, и она то и дело хмурилась, пытаясь осмыслить прочитанное.

— Здесь что-то есть, — сказала она, и она подняла голову. — Это его настоящие записи. Не те, что мы нашли раньше. Это его личные записи. Он писал о нас. Он писал о том, почему он собрал нас здесь. Он писал о том, что он хотел нам сказать.

— Что он хотел нам сказать? — спросила Елена, и ее голос был тихим, как шепот.

— Он хотел сказать нам, что мы не жертвы, — сказала Софья, и ее голос был тихим. — Он хотел сказать нам, что мы — актеры. Актеры, которые должны были сыграть свои роли до конца. И что мы сделали это. Мы выжили. Мы переписали его финал. И теперь мы свободны.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только

ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья была права. Они должны были идти. Они должны были найти эту дверь. Они должны были узнать правду.

Она поднялась на ноги. Ее движения были медленными, неуклюжими, но она заставила себя двигаться. Она подошла к столу и посмотрела на бумаги. Они были старыми, пожелтевшими, и на них был тот же каллиграфический почерк Крестовского.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был твердым. — Мы должны найти эту дверь. Мы должны узнать правду.

Она повернулась к двери и пошла к ней. За ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена. Они вышли из комнаты и оказались в коридоре. Он был темным, и в нем витал тот же запах пыли и старого дерева, который преследовал их все эти дни. Но теперь этот запах был другим. Он был более густым, более тяжелым, как будто сам дом начал дышать глубже, готовясь к чему-то, что должно было произойти.

Они шли по коридору, и их шаги эхом разносились по пустому дому. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она рассказала им правду. Она призналась в том, что сделала. И теперь она чувствовала, как тяжесть, которая давила на нее все эти годы, начинает спадать.

— Мы почти пришли, — сказала Елена, и она остановилась. Ее глаза были устремлены на стену перед собой, и в них было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание. — Она здесь. Дверь здесь. Я чувствую ее.

Маргарита подошла к стене и положила руку на ее поверхность. Она была холодной, покрытой слоем грязи, и она чувствовала, как под ее пальцами проходит шов, который был почти незаметен. Она нажала на стену, и она поддалась с легким скрипом, открывая узкий проход.

— Это здесь, — сказала она, и ее голос дрожал. — Мы нашли ее.

Она шагнула в проход, и за ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена. Они оказались в небольшой комнате. Это была старая, пыльная гримерная, идеально сохранившаяся, как будто время остановилось здесь много лет назад. В цен-

тре комнаты стоял массивный стол, и на нем лежала стопка бумаг. На стене висело зеркало, и в нем отражались их лица, бледные и испуганные.

— Это его комната, — сказала Софья, и она подошла к столу. — Это место, где он готовился к своим спектаклям. Где он создавал свои маски.

Она начала перебирать бумаги, ища что-то, что могло бы помочь им. Елена стояла у двери, и ее глаза были устремлены на темноту, которая ждала за ней. Маргарита стояла в центре комнаты, и она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее чувство дежавю. Она уже была здесь. Она уже видела это место. Во сне. Или в видении. Она не знала.

Она подошла к столу и посмотрела на бумаги. Они были старыми, пожелтевшими, и на них был тот же каллиграфический почерк Крестовского. Она взяла одну из них и начала читать. Слова расплывались перед глазами, но она могла разобрать их. Это была записка, адресованная ей.

«Дорогая Маргарита, — прочитала она вслух, и ее голос дрожал. — Я знаю, что ты найдешь это письмо. Я знаю, что ты прочитаешь его. Я знаю, что ты вспомнишь. Я знаю, что ты поймешь. Ты — та, кто увидела самое начало. Теперь ты

увидишь и конец».

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Часть V. Столкновение с Наследием (Дверь отворяется)

Маргарита стояла в центре гримерной, и письмо дрожало в ее руках. Она чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она прочитала слова Крестовского, и они проникли в ее душу, как яд, отравляя каждую мысль, каждое чувство.

— Что там написано? — спросила Софья, и ее голос был напряженным.

Маргарита не ответила. Она продолжала смотреть на письмо, и ее глаза скользили по строчкам, пытаясь осмыслить их. Слова расплывались перед глазами, но она могла разобрать их.

«Ты думала, что сможешь убежать от прошлого, — читала она, и ее голос был тихим. — Ты думала, что сможешь

закопать правду глубоко внутри себя. Ты думала, что сможешь забыть. Но ты ошибалась. Прошное всегда возвращается. Оно всегда находит тебя. Оно всегда напоминает тебе о том, кто ты есть на самом деле».

Она замолчала, и ее тело содрогнулось от рыданий. Она плакала, как ребенок, который потерял все, что у него было. Она плакала, потому что она не могла забыть. Она плакала, потому что она не могла простить себя.

— Маргарита, — сказала Софья, и она подошла к ней. — Что там написано? Что он хочет сказать тебе?

Маргарита подняла голову и посмотрела на нее. В ее глазах было что-то странное. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Он хочет сказать мне, что я не могу убежать от прошлого, — сказала она, и ее голос был тихим. — Он хочет сказать мне, что я должна принять то, что я сделала. Я должна принять то, что я была там. Я должна принять то, что я видела. Я должна принять то, что я не спасла его.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Софья смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, что сказать. Она не знала, что думать. Она просто смотрела на Маргариту и чувствовала, как внутри нее поднимается холод.

— Ты должна простить себя, — сказала она, и ее голос был тихим. — Ты должна простить себя за то, что ты сделала. Ты должна простить себя за то, что ты не сделала. Ты должна простить себя за то, что ты была человеком.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она не знала, сможет ли она простить себя. Она не знала, сможет ли она принять то, что она сделала. Но она знала, что она должна попытаться. Она должна попытаться двигаться дальше.

Она повернулась к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Оно было бледным, изможденным, с темными кругами под глазами и впалыми щеками. Она не узнавала себя. Женщина, которая смотрела на нее из зеркала, была чужой — старой, уставшей, сломленной. Но в ее глазах было что-то новое. Не страх. Не отчаяние. А странное, почти пугающее понимание.

— Я должна идти, — сказала она, и ее голос был твердым.

— Я должна найти эту дверь. Я должна узнать правду.

Она повернулась к выходу и пошла к двери. За ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена. Они вышли из гримерной и оказались в коридоре. Он был темным, и в нем витал тот же запах пыли и старого дерева, который преследовал их все эти дни.

Они шли по коридору, и их шаги эхом разносились по пустому дому. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее спокойствие. Она знала, что они должны идти. Они должны найти эту дверь. Они должны узнать правду.

Они вошли в большой зал. Это было пустое пространство с высоким потолком, на котором висели старые, ржавые софиты. В центре зала стоял массивный камин, и его каменная кладка была покрыта слоем сажи и паутины. Вокруг камина были разбросаны старые, пыльные декорации — манекены в странных, изорванных костюмах, куски искусственного плюща, сломанные стулья, ржавые цепи.

— Это его театр, — сказала Софья, и ее голос эхом разнесся по залу. — Это место, где он ставил свои спектакли. Мы нашли его.

Маргарита подошла к центру зала и остановилась. Она смотрела на пустые кресла, которые стояли в тени, и на ее лице появилась странная, почти благоговейная улыбка.

— Это наша сцена, — сказала она, и ее голос стал громче. — Это наша финальная сцена. Мы должны сыграть ее. Мы должны показать ему, что мы достойны.

Она повернулась к стене, которая была за сценой. На ней была дверь. Массивная, деревянная дверь, покрытая слоем резьбы. На ней была вырезана надпись: «Здесь начинается свобода. Здесь заканчивается рабство».

Маргарита подошла к двери и положила руку на ее поверхность. Она была холодной, и она чувствовала, как под ее пальцами проходит резьба, которая была почти незаметна. Она нажала на дверь, и она открылась с тихим скрипом.

За ней была темнота. Глубокая, бездонная темнота, которая, казалось, ждала их.

— Мы идем, — сказала Маргарита, и она шагнула в темноту.

За ней, одна за другой, двинулись Софья и Елена.

Часть VI. Мизансцена Новой Надежды (Финал главы)

Они вошли в комнату. Это была идеально сохранившаяся гримерная, которая выглядела так, как будто время остановилось здесь много лет назад. В центре комнаты стоял стул, и на нем лежала свернутая рукопись. На стенах висели портреты, и на них были изображены люди, которые, казалось, смотрели на них с добротой и пониманием.

Маргарита подошла к стулу и взяла рукопись в руки. Она была старой, пожелтевшей, и на ней был тот же каллиграфический почерк Крестовского. Она развернула ее и начала читать вслух.

«Дорогая Маргарита, — прочитала она, и ее голос дрожал. — Ты — та, кто увидела самое начало. Ты была там, когда Ланский умер. Ты была той, кто нашел его тело. Ты была той, кто украла его рукопись. Ты была той, кто прочитала его слова. Ты была той, кто поняла его правду. И теперь ты — та, кто увидит конец. Ты — та, кто перепишет мой финал. Ты — та, кто станет свободной».

Маргарита замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый

дом стонал под напором стихии.

Она смотрела на рукопись, и внутри нее поднималась странная, почти пугающая волна эмоций. Она знала, что это был ее финал. Ее финал, который она должна была переписать. Ее финал, который принадлежал ей.

— Мы сделали это, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы нашли его. Мы нашли его сердце. Мы нашли его настоящие пьесы. И мы найдем способ использовать их против него.

Она подняла голову и посмотрела на Софью и Елену. Они стояли рядом с ней, и их лица были бледными, но в их глазах горел тот же огонь. Огонь жизни. Огонь надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.